

Татьяна Осина
Соль и мед

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Татьяна Германовна Осина

Соль и мед

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73123268

SelfPub; 2026

Аннотация

Арк-7 – это город-крепость, где каждый человек является активом, а его жизнь – суммой долга перед безликим Советом. Каэль – идеальный инструмент этой системы, старший исполнитель, чей приговор – последнее, что видят неплательщики. Мира – девушка с нижних палуб, узнавшая, что именно его подпись стоит под смертельным приговором её отцу.

Их встреча – это взрыв. Но вместо мести Каэль предлагает Мира неожиданный контракт: союз против системы, которая сломала их обоих. Это история о том, как ненависть можно переплавить в холодную решимость, как в сердце антиутопии может зародиться хрупкий альянс, и какой страшной ценой платят те, кто решается сжечь старый мир, чтобы построить новый. Возможно, слишком похожий на прежний.

Содержание

ГЛАВА 1. ПЛАВУЧИЙ ГОРОД	4
ГЛАВА 2. СУД ДОЛГОВ	7
ГЛАВА 3. ПОКУПКА	13
ГЛАВА 4. УСЛОВИЯ	19
ГЛАВА 5. ПОПЫТКА БЕГСТВА	26
ГЛАВА 6. ЗАДАНИЕ	31
ГЛАВА 7. ИМЯ ОТЦА	36
ГЛАВА 8. ОБУЧЕНИЕ	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Татьяна Осина

Соль и мед

ГЛАВА 1. ПЛАВУЧИЙ ГОРОД

Арк-7 был чудом инженерной мысли и памятником человеческой наглости. Громада ржавого металла и прочного пластика, он скрипел и стонал на волнах, как старый, больной зверь. Официально – передовой автономный хаб. Местные же называли его проще, без иллюзий: Плот. И он держался не на сваях или понтонах, а на трёх вещах, которые не тонут даже в самой солёной воде: на металле обшивки, на страхе тех, кто жил в его утробе, и на долгах, что висели на каждом, как гири на щиколотках. Долгах, которые передавались по наследству, будто фамильная чахотка.

Мира знала этот Плот до последнего болта. Каждую скрипучую палубу нижних уровней, каждый тёмный проход, где можно было исчезнуть, каждый вентиляционный лаз, ведущий куда-то, но никогда – на свободу. Она была его частью, клеткой в его ржавом организме. Её миром были нижние кольца, где свет был тусклым желтоватым сиротой, где воздух густо пах медью масла, озоном от древней проводки и едкой ржавчиной, сочащейся по стенам. Здесь люди давно разучились мечтать о море, о земле, о солнце. Они занимались

единственной доступной им магией: считали. Считали часы до смены, граммы пайка, проценты по долгу, шаги до ближайшего убежища. Арифметика выживания была их единственной священной книгой.

Сегодня на её груди, под потертым плащом, лежал свёрток. Тонкий, почти невесомый, гибкий – как молитва, шепчущаяся с тканью при каждом движении. И смертельно опасный, как правда, которую никто не хочет слышать. В нём была контрабанда для обитателей верхних палуб, тех, кто дышал фильтрованным воздухом и видел настоящие звёзды: чистые, девственные карты доступа, способные обмануть любой сканер на контроле. Поддельные имена, чтобы стереть чужие жизни и начать свои. И списки – сухие перечни, за которыми стояли судьбы, проданные за кредиты, чтобы чужие долги стали чуть меньше. Цифровая анатомия человеческой стоимости.

Сделка была простой, отточенной, как ритуал. Одна минута в глухом переулке у технического шлюза В-7. Минута – и её собственный, вгрызающийся в душу долг уменьшится на десять дней. Не десять дней существования. Десять дней жизни. Десять утренних пробуждений без немедленно укола паники. Это стоило любого риска.

Но тени у шлюза В-7 в тот вечер были неправильными. Слишком густыми, слишком квадратными. И они отделились от стены. Не покупатели. Трое. Форма Исполнителей – чёрные плащи, не колышущиеся даже на пронизывающем

сквозняке, гладкие маски-зеркала, отражающие искажённый страх жертвы, и холодный блеск герба Арка на груди. Механистичная, бездушная точность. Один шагнул вперёд, и его шаг отозвался глухим эхом по металлическому полу. Рука в чёрной перчатке протянулась, требующе и не терпяще возражений.

Голос из-под маски был лишён тембра, отфильтрованный, словно исходящий не из горла, а из динамика. Всего одно слово:

– Контракт?

Мира почувствовала, как ледяная волна прокатывается по спине. Но она не опустила глаз. Вместо этого её губы растянулись в улыбку. Не ту, что от радости, а ту, что копировали люди её уровня – оскал, прикрытый кожей, улыбка для тех, кто уже занёс нож, но прячет его за спиной. В ней была вся её жизнь: дерзость отчаяния, насмешка над тем, чего уже не избежать.

– А если нет? – её собственный голос прозвучал на удивление спокойно, почти игриво.

Ответом был не голос. Ответом был резкий, окончательный хруст полимерных наручников на её запястьях. Звук, громче любого скрипа Плота. Звук, отсчитывающий последние секунды её старой жизни. Холодный ободок металла впился в кожу, и десять дней свободы испарились, как пар от дыхания в холодном воздухе нижних палуб.

ГЛАВА 2. СУД ДОЛГОВ

Путь на верхнюю палубу был стремительным и унижительным. Лифт, сверкающий стерильным блеском, унёс её из мира ржавых запахов в мир холодного воздуха, пахнущего озоном и антисептиком. Разница была по сознанию сильнее, чем удар. Здесь не было скрипа, гула машин или приглушённого гула жизни. Здесь царила тишина – искусственная, давящая, в которой отчётливо, почти физически, было слышно, как ломаются человеческие судьбы.

Суд проходил в помещении, больше похожем на стерильную лабораторию или на амфитеатр для показательных уроков анатомии. Ослепительный белый свет падал с потолка, не оставляя теней, словно стыдящихся происходящего. Стены были безупречно чисты, а в воздухе висела та самая тишина, где шелест синтетической ткани звучал как крик.

Мира стояла в центре зала на специальном круге, вписанном в пол. Он светился мягким голубоватым свечением, отмечая её не как подсудимую, а как объект. Каждый в зале – а там сидели лишь безликие клерки и пара таких же, как она, «единиц» под конвоем – понимал этот символ. Она перестала быть человеком. Она была цифрой. Суммой. Проблемой в бухгалтерском балансе Плота, которую предстояло решить.

Судья-Регистратор сидел за консолью, его лицо было скрыто полупрозрачным дисплеем с бегущими строками ко-

да. Его голос, монотонный и лишённый всякой модуляции, казалось, исходил из самой вентиляции. Он не судил. Он констатировал, как диагноз неизлечимой болезни.

– Дело 7-89-Лейн. Нарушение Статей 15-Г и 47-В Закона о потоках. Незаконное перемещение материальных и нематериальных активов. Контрабанда. Попытка подрыва системной и экономической безопасности Арка. – Он делал микро-паузу, сканируя данные. – Совокупный прирост долговой нагрузки, включая штрафные санкции и компенсацию за износ следственных ресурсов, составляет: два стандартных годовых цикла и шесть месяцев. К исполнению немедленно.

Мира ощутила, как пол под её ногами словно стал жидким. Два с половиной года. Это был не срок. Это был приговор. Она заставила себя поднять подбородок, цепляясь за последние крохи дерзости.

– У меня нет таких лет, – её голос прозвучал хрипло, но громко, нарушая мёртвую тишину зала. – Мой долг был на десять дней. Это ошибка.

Дисплей перед судьей мигнул. Он даже не поднял головы, его пальцы бесшумно скользнули по сенсорной панели.

– Отрицательный баланс личного времени аннулирует право на субъективность. Дефицит покрывается активом. Если у вас нет лет, – голос оставался ровным, как плоская линия на мониторе жизнеобеспечения, – тогда у вас нет вас. Вступает в силу принудительный контракт категории «Оме-

га». Работа на нужды города. До полной выплаты основной суммы и начисленных процентов.

Перед её глазами, в воздухе над кругом, материализовался голографический экран. Там, в строгих колонках, уже значилась её жизнь, преобразованная в данные:

ФАМИЛИЯ: ЛЕЙН

ИМЯ: МИРА

ИДЕНТ. КОД: 7-89-ГАММА

ТЕКУЩИЙ СТАТУС: АКТИВ. ДОЛГ: 912.5 дн.

НАЗНАЧЕНИЕ: ОЖИДАЕТ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ

Её имя превратилось в строку. Её будущее – в отсчёт. Они пытались сломать её этими словами, этой бесчеловечной арифметикой, леденящим взглядом системы. Но Мира была рождена и выросла в мире, где слова были дешёвыми, а обещания – пустыми. Её ломал не приговор, а пустой желудок. А голод она научилась терпеть с детства. Она сжала кулаки так, что ногти впились в ладони, и просто смотрела на эту строку, впитывая в себя холод цифр, превращая отчаяние в молчаливую, твёрдую злость.

Когда формальности закончились и безликие клерки покинули зал, наступила ещё более глубокая тишина. Мира думала, что осталась одна, ожидая конвоя. Но она ошиблась.

В глубине зала, у огромного иллюминатора, из которого открывался вид на бесконечное, равнодушное море, стоял человек. Он не был Регистратором. В его позе, в самом качестве его неподвижности, чувствовалась не бюрократическая,

а физическая власть. На нём была чёрная форма ИСПОЛНИТЕЛЯ, но другого покроя – более строгая, без лишних деталей. От него, даже на расстоянии, словно веяло холодом – не температуры, а бездонной, спокойной пустоты. Это был Судья-Исполнитель. Каэль.

Он стоял, держа руки за спиной, и смотрел не на неё, а на горизонт, где небо сливалось с водой. Он смотрел так, будто это море и небо были его собственностью, временно сданной в аренду миру.

Не поворачиваясь, он заговорил. Его голос был низким, тихим, но каждое слово падало в тишину, как камень в колодец.

– Мира Лейн. Седьмой нижний сектор. Сирота по квоте. Тринадцать задокументированных нарушений, семь – предположительных. – Он наконец медленно обернулся. Его лицо было жестким, а глаза – светлыми, как лёд на глубине. В них не было ни тепла, ни любопытства. Был лишь расчёт. – У вас хорошие навыки. Выживание. Скрытность. Находчивость. Редкий ресурс.

Мира, всё ещё скованная наручниками, из которых теперь торчали тонкие фаловые тросы, будто поводок, фыркнула.

– У меня плохая удача. Вот и все навыки.

Каэль не улыбнулся. Он сделал шаг ближе, и воздух вокруг словно стал плотнее.

– Удача, – произнёс он отчётливо, – это не случайность. Удача – это форма дисциплины. Умение видеть закономер-

ности там, где другие видят хаос. Вы её не проявили. Поэтому вы здесь.

Он замолчал, дав ей прочувствовать тяжесть этих слов. А затем произнёс то слово, от которого у стражей у дверей, казалось, застыла кровь в жилах. Слово, которое на нижних уровнях произносили шёпотом, как проклятие.

– Ваш контракт «Омега» не предполагает уборки отходов или чистки фильтров. Ваши навыки слишком... специфичны, чтобы тратить их на рутину. Город рационален. Поэтому ваш долг будет выплачен иным способом. – Его ледяной взгляд скользнул по её голографическому досье. – Вы будете переданы на Аукцион.

В этом слове – «Аукцион» – слышался лязг закрывающихся затворов, шелест кредитных сертификатов и тихий, последний вздох надежды. Мира замерла. Она знала, что это значит. Не рабство для города. Рабство для того, кто заплатит. Для корпоративного агента, для главы частной охраны, для изощрённого коллекционера с верхних шпилей. Её навыки, её воля, её сама – станут лотом.

– Аукцион специальных активов состоится через сорок восемь часов, – продолжил Каэль, вновь поворачиваясь к иллюминатору, будто эта информация была столь же незначительна, как данные о погоде. – Готовьтесь. Ваша дисциплина сейчас будет измеряться в кредитах.

Он больше не смотрел на неё. Судебное разбирательство было окончено. Теперь начиналась подготовка товара к про-

даже.

И только когда стражи грубо повели её из зала, Мира позволила себе дрожь, что пробежала по её спине. Не от страха перед болью или тяжким трудом. А от этого нового, незнакомого ужаса – быть проданной, стать вещью в чьих-то руках, чьи лица она даже не могла вообразить. Море за иллюминатором было безграничным и свободным. Теперь между ней и этой свободой стояло не только море долгов, но и молоток аукциониста.

ГЛАВА 3. ПОКУПКА

Аукцион долговых обязательств проводился в ночное окно. Не потому что он был тайным – на Арке тайн не существовало для тех, кто мог их оплатить. Просто в темноте человеческая психика становится податливее. Людям, как оказалось, проще принимать чужое рабство в полумраке, когда границы между реальностью и кошмаром размыты, а собственные тени на стенах выглядят солиднее и весомее.

Мира оказалась на вращающейся платформе из матового стекла, подсвеченной снизу холодным синим светом. Она чувствовала себя экспонатом в музее утиля, деталью на полке склада. На её запястье, поверх тонкого шрама от наручников, теперь плотно сидел браслет контракта. Не грубый обрuch, а элегантная, но неумолимая полоска матового металла. На его поверхности пульсировала крошечная красная точка – световой индикатор статуса. «Управляемая». Актив в обороте. Тело, ожидающее инструкций.

Зал был невелик, амфитеатром спускался к платформе. В креслах из чёрной кожи сидели те, для кого жизнь была статьёй расходов: промышленники с лицами, высеченными из гранита беспристрастной прибыли; чиновники среднего звена, жаждущие личных инструментов для грязных дел; владельцы частных шлюзов и доков, нуждающиеся в податливом и умелом пушечном мясе. Их взгляды скользили по

ней, не видя человека. Они оценивали инструмент. Как оценивают нож: обращая внимание на закалку стали, на возможную остроту лезвия, на удобство хвата. Красивым такой нож считался только тогда, когда резал без усилий.

Голос ведущего-аукциониста был таким же бесцветным, как у Регистратора, но с лёгкой, почти сладострастной ноткой в конце каждой фразы.

– Лот семь-девяносто-гамма. Женщина. Возраст биологический: двадцать четыре стандартных цикла. Навыки: городская навигация, уклонение от систем слежения, базовое обращение с цифровыми интерфейсами, устойчивость к стрессовым ситуациям. Психотип: адаптивный, с выраженной волей к выживанию. Идеально для задач, требующих незаметности и инициативы в рамках строгих параметров. – Он сделал паузу, давая публике мысленно примерить этот «инструмент» к своим нуждам. – Начальная ставка: списание трёх месяцев долгового обязательства.

Тишина зала была не молчаливой, а густой от беззвучных расчетов. Затем голоса посыпались, как монеты из прорвавшегося кошелька.

– Четыре.

– Шесть.

– Девять месяцев.

Мира не слушала цифры. Они были абстракцией, игрой в кости, где ставкой была её плоть. Она сосредоточилась на внутренних ощущениях. Прислушалась к ритму своего серд-

ца. Оно билось ровно, глухо, с упрямой, злой настойчивостью. «Значит, я ещё жива», – подумала она. Это был её последний, крохотный акт неповиновения – не позволить страху участить пульс.

– Год, – раздался чей-то властный баритон с задних рядов.

В зале повисла пауза. Год чужой жизни – уже серьёзная инвестиция. Аукционист поднял руку, готовясь завершить торг. И в этот момент другой голос разрезал тишину. Он звучал спокойно, ровно, без тени азарта или торга. В нём была та же безличная точность, что и в голосе системы, но теперь она была направлена на конкретную цель.

– Два года и шесть месяцев. Полная выплата долгового обязательства. Единоразово.

В зале воцарилась абсолютная тишина, нарушаемая лишь едва слышным гудением систем жизнеобеспечения. Даже самые богатые не любили платить по полной, предпочитая скидки, рассрочки и возможность слить неоправдавшую надежду лоту обратно в систему. Полная цена означала абсолютную собственность и безоговорочную уверенность покупателя.

Мира, против воли, резко подняла глаза, ища в полумраке источник этого голоса.

Он сидел в отдельной ложе, чуть в стороне от всех. Казель. Судья-Исполнитель. Он не смотрел на неё. Его взгляд был устремлён на платформу, но словно видел не её тело, а графики эффективности, отчёты о выполнении еще не су-

ществующих задач. На его лице не было ни улыбки удовлетворения, ни выражения триумфа. Был лишь холодный расчёт, материализовавшийся в самой высокой ставке.

– Продано, – отчеканил аукционист, и в его голосе впервые прозвучало почтительное удивление.

К Мире подошёл служащий с портативным терминалом. Он поднёс его к её браслету. Раздался тихий, но окончательный щелчок. Красная точка на браслете мигнула и сменила цвет на приглушённый зелёный. «Принадлежность установлена».

Каэль не стал дожидаться конца аукциона. Он поднялся и вышел, даже не взглянув в её сторону, будто купил не человека, а отложенную доставку груза.

После формальностей её провели в маленькую, аскетичную комнату без окон – камеру для передачи товара. Там уже ждал он.

Каэль стоял, изучая что-то на планшете. Когда она вошла, он отложил устройство в сторону.

– Теперь вы моя сотрудница, – заявил он просто, как констатируя погоду.

Мира, всё ещё ощущая на запястье холод нового браслета, выдавила из себя горькую усмешку.

– Рабыня, – уточнила она, вкладывая в слово весь накопившийся яд.

Каэль впервые пристально посмотрел на неё. Его светлые глаза будто замерзли ещё сильнее.

– Разница, – произнёс он медленно, – не в названии. Разница в том, кто держит ключ. И в том, что я не люблю ломать свои инструменты. Я их настраиваю, чищу, затачиваю и использую строго по назначению. Сломаешь – придётся искать замену. Это нерационально.

Он протянул ей не бумагу, а тонкий, гибкий дисплей. На нём горел текст.

– Ваш новый контракт. Условия. Изучите.

Мира взяла дисплей. Текст был краток и неумолим:

1. Работа. Беспрекословное выполнение задач в рамках, определённых владельцем контракта (Каэль). Характер задач: сбор информации, наблюдение, перемещение предметов, взаимодействие с элементами городской инфраструктуры.

2. Тишина. Полный запрет на обсуждение заданий, методов работы и личности владельца контракта с кем бы то ни было.

3. Доступ. Вам предоставляется временный, отслеживаемый доступ к зонам верхних палуб, необходимым для выполнения поручений.

4. Запрет. И единственное, что было выделено жирным шрифтом, подчёркнуто и сопровождалось значком опасности:

«НЕ ПЫТАТЬСЯ ИСЧЕЗНУТЬ.»

Любая попытка самовольного оставления рабочей зоны, удаления или повреждения браслета-маячка, а также дей-

ствий, направленных на сокрытие местонахождения от владельца контракта, будет расценена как кража имущества и аннулирование всех обязательств. Мера пресечения: точечная детонация имплантированного ингибитора.»

Мира почувствовала, как у неё перехватило дыхание. Она посмотрела на браслет, потом на Каэля. Он наблюдал за её реакцией.

– «Исчезнуть» – ваш главный навык, – сказал он. – Я его купил. Значит, он принадлежит мне. Вы будете исчезать только тогда, когда я скажу, и только для тех, кому я укажу. Понятно?

Он не ждал ответа. Он взял дисплей обратно, и текст погас.

– Отдыхайте. Завтра в шесть утра по центральному времени я передам первое задание. Ваш долг погашен. Теперь вы должны только мне. И помните, – он уже повернулся к двери, но бросил последнюю фразу через плечо, – ключ у меня. А у вас – только возможность его не проверять.

ГЛАВА 4. УСЛОВИЯ

Кабинет Каэля находился на стыке реальной власти и архитектурной метафоры. Это была стеклянная клетка на верхнем ярусе административного шпиля, висящая над пропастью городских уровней. Стены – прозрачный, затемнённый пластик, сквозь который мир снаружи казался выцветшим, неммым спектаклем. Внутри – стерильный порядок, граничащий с абстракцией: полированный металл рамы, матовые поверхности консолей, мерцание голубоватых экранов, на которых беззвучно пульсировали схемы грузопотоков, долговых кривых и биометрических паттернов. Ничего лишнего. Ни намёка на жизнь. Воздух был очищен до состояния безвкусыя, пахнул лишь озоном и холодом.

Единственным «украшением» служила панорамная стена, выходившая на доки. Отсюда, с высоты, люди внизу походили на механических жуков, копошащихся в грудe гигантских, ржавеющих кубов. Они разгружали контейнеры. Основные грузы, истинная кровь и плоть Плота, были видны даже отсюда: медь – для проводов, которые были нервами города, и соль – для систем очистки, продления жизни, для сохранения того немногого, что ещё можно было сохранить. Соль и медь. Валюта и судьба, сваленные в одинаковые, невыразительные штабеля.

Каэль не сидел за своим широченным, пустым столом. Он

стоял у стекла, спиной к ней, наблюдая за движением кранов. Казалось, он не просто видит процесс, а считывает с него данные – эффективность, задержки, потенциал для хищений.

– Вот ваши условия, – его голос, без повышения тона, идеально заполнил акустический вакуум кабинета. Он обернулся, и в его руке был не дисплей, а тонкая, матовая пластиковая карта. Он положил её на край стола, будто делал ставку в карточной игре. – Вы будете выполнять поручения. Чётко. Без эмоций. Без вопросов, выходящих за рамки оперативной необходимости. Забудьте про романтику сопротивления. Забудьте про идею мести системе или мне. Всё, что начинается сейчас – это работа. Единственная категория, имеющая значение.

Мира медленно взяла карту. Прикосновение к её поверхности активировало встроенный проектор, и в воздухе замигал текст. Она листала невидимые страницы, скептически впитывая пункты. Доступ к определенным, строго ограниченным секторам. Стирание её биометрических данных из общегородских систем розыска – но не из системы Каэля. Скромное, но регулярное питание и медицинский минимум. Это была не свобода. Это был упорядоченный, предсказуемый загон. И всё же, после хаоса долговой ямы и ужаса аукциона, эта предсказуемость звучала как извращённая милость. Как перерыв между пытками.

– Почему? – её собственный голос прозвучал грубо на фо-

не этой тихой комнаты. – Почему вы меня купили? Полная цена. Это нерационально. Вы могли найти десяток таких же отчаявшихся, готовых работать за миску пайка.

Каэль не ответил сразу. Он прошёл к своему креслу, но не сел, а облокотился о спинку, его пальцы слегка постукивали по металлу.

– Во-первых, потому что вы знаете нижние палубы не как карту, а как организм, – сказал он наконец. – Вы знаете его циркуляцию, его скрытые сосуды, его патологии. Вы знаете, где он скрипит, где протекает, где рождает гной. Этому не учат в академиях. Этому учатся, только когда бегут. – Он сделал микро-паузу. – Во-вторых, потому что вы умеете лгать.

Мира фыркнула, горько и коротко.

– Все умеют лгать. Это первый навык, который осваиваешь на Плоте, сразу после того, как учишься дышать этой ржавой вонью.

– Неправда, – возразил Каэль, и в его голосе впервые прозвучала тонкая, почти незаметная нить чего-то, похожего на профессиональную оценку. – Все умеют сочинять. Мало кто умеет воплощать ложь в реальность, вживлять её в ткань фактов так, чтобы система не отторгала. Но самое главное – не все умеют выживать после того, как ложь раскрыта. У вас есть этот опыт. Я видел ваше дело. Вы не просто врали. Вы действовали на основе этой лжи, и когда всё рушилось, вы не сломались. Вы нашли трещину и попытались уйти в неё.

Это ценный алгоритм.

Мира заставила себя поднять взгляд от мерцающих строк контракта и встретиться с его ледяными глазами.

– И всё же. Зачем вам всё это? Вы – Судья-Исполнитель. У вас есть власть, ресурсы, целые отряды таких же, как вы. Зачем вам одна сломленная контрабандистка с нижних колец?

На этот раз его молчание затянулось. Оно длилось секунду дольше, чем нужно для простого ответа. В этой секунде в стерильном воздухе кабинета повисло нечто неуловимое – напряжение, подобное тому, что возникает между полюсами мощной батареи. Он оторвался от кресла и сделал один, плавный шаг к ней, сократив дистанцию ровно настолько, чтобы она ощутила физическое присутствие его власти, но не настолько, чтобы это выглядело как угроза. Его спокойствие было не мирным. Оно было пугающим в своей завершенности, как гладкая, зеркальная поверхность океана в безветрие, за которой ты знаешь – скрывается чудовищная, неисчерпаемая глубина, готовая породить шторм.

– Потому что, – произнёс он тихо, но так, что каждое слово будто вбивалось гвоздем, – если бы вас купил кто-то другой – промышленник, чиновник, бандит с доков – вы бы не прожили и месяца. Они бы либо выжали из вас всё за неделю на самой грязной работе, либо попытались сломать вашу волю для потехи, и вы либо убили бы их, либо они убили бы вас. В любом случае – вы были бы потрачены впустую. А мне нужна живая.

– Нужна зачем? – её вопрос теперь звучал не как вызов, а как требование. Последнее, что она могла потребовать, прежде чем навсегда стать инструментом.

Каэль посмотрел на неё так, будто решал, стоит ли доверять механизм своей новой отвертке. Он принял решение.

– Я собираюсь изменить баланс сил на этом Плоте. Фактически, – он выдохнул, и в этих словах не было ни хвастовства, ни фанатизма, только холодная констатация цели, – я собираюсь сломать Совет Арка. Их монополию на потоки, на долги, на воздух. И для этого мне нужны инструменты разного калибра. Официальные рычаги – у меня есть. Сила – есть. Но есть места, куда я, Каэль, Судья-Исполнитель, со всей моей властью и репутацией, войти не могу. Я слишком заметен. Моё появление где бы то ни было – это событие, это протокол, это след. Мне нужен кто-то, кто может двигаться по этим местам, как тень. Невидимая, неслышимая, неоставляющая записей в реестрах. Тень, которая умеет ходить там, где свет официальности либо никогда не горел, либо давно погас.

Мира усмехнулась, и в этой усмешке была вся горечь её положения.

– Прекрасная поэзия. Тень, прикованная цепью к ноге хозяина. Очень эффективно.

В ответ Каэль сделал неожиданное. Он протянул руку – движение не быстрое, не агрессивное, а почти что клиническое. Его пальцы коснулись не её кожи, а браслета контракта

на её запястье. Металл под его прикосновением казался ещё холоднее.

– Цепь – временна, – сказал он, и его голос приобрёл металлический отзвук. – Она держит тень на нужном расстоянии, не даёт ей размыться или потеряться. Но назначение тени – не быть цепью. Назначение тени – быть продолжением формы. Скрывать движение. Маскировать намерение. – Его пальцы слегка обхватили браслет, не сжимая, а будто оценивая его калибр. Затем он поднял глаза, и в его ледяном взгляде вспыхнула искра чего-то беспощадно-рационального, почти хищного. – При правильном угле падения света и нужной конфигурации... тень может стать ножом. Тихим. Неотразимым. Тем, чего не видят, пока лезвие не войдёт в цель. Цепь удерживает. Но именно я определяю – куда падает свет. И во что эта тень должна превратиться.

Он отпустил её запястье. Прикосновение исчезло, но ощущение от его слов – ощущение лезвия, только что заточенного на её собственной воле, – осталось, жгучее и неоспоримое. Он купил её не для рабства. Он купил её для преобразования. Из беглеца – в невидимку. Из контрабандиста – в хирургический инструмент. И самая страшная часть заключалась в том, что в этом холодном, циничном расчёте было больше уважения к её сущности, чем во всей жалости или жестокости мира, который она знала.

Кабинет снова погрузился в тишину, нарушаемую лишь далёким гулом доков. Границы её мира только что неверо-

ятно сузились – до размера браслета. И в то же время – чудовищно расширились, до масштабов заговора, способного потрясти основу всего её существования. Она больше не была суммой долга. Она стала переменной в уравнении власти. И Каэль только что объяснил ей правила алгебры.

ГЛАВА 5. ПОПЫТКА БЕГСТВА

Первая ночь в новых апартаментах была не временем для сна, а временем для картографии заточения. Квартира при кабинете Каэля, выделенная ей как «жилая зона сотрудника», была образцом цивилизованного подавления. Всё в ней дышало холодным комфортом: мягкая модульная мебель нейтральных тонов, идеально отрегулированный климат-контроль, светильники, излучавшие ровный, ненавязчивый свет. В санузле текла чистая, бесцветная, лишённая запаха вода, а душ выдавал стабильную струю теплой, почти горячей жидкости – роскошь, за которую на нижних уровнях люди были готовы на месяц продать свой паёк. Это была не клетка с прутьями. Это была клетка, обитая тканью благополучия, рассчитанная на то, чтобы усыпить бдительность, притупить инстинкты, заставить узника ценить удобства и понемногу забывать вкус ветра и запах свободы.

Мира не забыла. Каждый удобный угол, каждый тихий звук работающей вентиляции она воспринимала не как благо, а как очередной слой изоляции. Её пальцы, привыкшие к шероховатости ржавого металла, скользили по гладким поверхностям, ища изъяны. Она проверила двери – основную, герметичную, с магнитным замком, и внутренние, ведущие в гардеробную и санузел. Все, кроме основной, открывались. Окна – а вернее, витраж-панели – не открывались вовсе, яв-

ляясь частью несущей конструкции шпилья. Воздуховоды были узкими, стилизованными под декор, и явно оснащёнными датчиками движения и состава воздуха. Это была тюрьма, построенная на принципах эргономики и психологического манипулирования.

Но тюрьма всегда имеет свою ахиллесову пяту – служебные помещения, спроектированные не для эстетики, а для функциональности. За панелью, стилизованной под шкаф, она нашла техническую дверь – люк для доступа к коммуникациям. Его замок был проще, механичнее. Из потайного шва своего потрёпанного пальто, того самого, в котором её взяли, она извлекла тонкий, упругий провод с закалённым наконечником. Инструмент не для насилия, а для тихого диалога с механизмами. Через пять минут напряжённого вслушивания в тиканье штифтов замок сдался с мягким щелчком.

Лестница за дверью была узкой, винтовой, из рифлёного металла, ведущей вниз, в технические недра шпилья. Воздух здесь пах уже знакомо – маслом, озоном и пылью. Она двигалась беззвучно, как тень, сливаясь с ритмом работы отдалённых насосов. Сердце её билось ровно и сильно – не от страха, а от сфокусированной ярости и холодного расчёта. Оно стучало, как сердце хищника, вернувшегося на свою территорию и прекрасно помнящего каждую ложбину, каждую тропу.

На третьем пролёте внизу, там, где лестничная клетка рас-

ширяться в небольшой холл с инженерными терминалами, свет вспыхнул сам. Не яростно, не ослепляюще, а плавно, будто просто проявляя то, что уже было в темноте.

Внизу стоял Каэль.

Он был один. На нём был простой тёмный комплект одежды, не форма. В руках не было оружия. Но в его неподвижности, в самой геометрии его позы было нечто, что заставило воздух замереть. Ощущение было таким, будто оружием был он сам – его воля, его предвидение, его абсолютный контроль над ситуацией. Он смотрел на неё не как на пойманную дичь, а как на эксперимент, вышедший на прогнозируемый этап.

– Вы, судя по всему, недостаточно внимательно прочитали раздел о неподвижных периметрах, – произнёс он. Его голос был ровным, без укора, почти что лекторским.

Мира остановилась, её рука непроизвольно сжала провод в кармане. Она заставила себя выпрямиться, поднять подбородок в жесте, который давно стал рефлекторным.

– Я не читаю то, что выгравировано на внутренней стороне ошейника, – бросила она, и в голосе её звенела вся накопленная горечь.

Каэль медленно поднялся по нескольким ступеням навстречу. Он не спешил, его шаги были бесшумными.

– Я мог бы применить санкции, – заметил он, остановившись в двух метрах от неё. – Отослать обратно с конвоем. Активировать болевой режим на браслете. Лишить «удобств». Но наказание – это удовольствие для слабых, для

тех, кому нужно видеть немедленный результат своей власти. Это эмоция. Эмоции – неэффективны. – Он сделал паузу, давая ей впитать это. – Вместо этого я предложу вам кое-что другое. Причину. Рациональное основание, почему ваши действия не имеют смысла.

– Мне не нужны ваши причины, – прошипела Мира. – Мне нужна свобода. Не та, что в рамках ваших правил. Настоящая.

Каэль слегка склонил голову, как учёный, рассматривающий интересный, но ошибочный постулат.

– Вы ошибаетесь в определении. Свобода – это не отсутствие ограничений. Свобода – это возможность выбирать свои ограничения осознанно. Вы сейчас не выбираете свободу. Вы выбираете стены. Сначала – стены нижних колец, от которых бежали вверх. Теперь – стены верхних, от которых пытаетесь бежать вниз. Вы просто мечетесь внутри клетки, думая, что боретесь с ней. Истинная же клетка – в вашем непонимании, что цепь можно не разорвать, а перековать в рычаг.

Он развернулся и, не сказав больше ни слова, пошёл обратно вниз, оставив её стоять на лестнице. На полпути он обернулся, бросив через плечо фразу, звучавшую как самый обычный рабочий ремарк:

– Возвращайтесь в свои апартаменты. Завтра начинается рабочая неделя. В шесть ноль-ноль – первое задание.

Он скрылся за поворотом, и свет погас, оставив её в при-

вычной, утешительной темноте технических туннелей. Но именно в этой темноте её и настигло самое страшное осознание. Её не поймали. Её отпустили. Он знал. Он всё знал. Он позволил ей пройти этот путь, позволил ощутить ложный привкус возможности, только чтобы затем показать всю тщетность её усилий. Это был не провал. Это было демонстративное превосходство. И оно леденило душу куда сильнее, чем любой гнев или насилие. Её бунт был не просто подавлен – он был инкорпорирован, учтён как данность в его расчётах. Она была не рабыней, сломавшей ошейник. Она была виртуальной моделью в симуляции, которая только что выдала предсказуемый результат. И теперь ей предстояло жить с этим знанием.

ГЛАВА 6. ЗАДАНИЕ

Первое поручение было изложено на удивление лаконично. Утром, ровно в шесть, в её апартаментах активировался настенный экран, и на нём появилось лицо Каэля. Ни приветствий, ни преамбулы.

– Задание: получить доступ к закрытому реестру долго-вых обязательств седьмого уровня конфиденциальности в административном секторе «Дельта». Цель – файл под названием «Когорта Химера». Это список. Список должников Совета Арка, – его голос был монотонным, будто он диктовал техническое задание. – Не обычных должников. Тех, чья задолженность настолько велика, а их навыки или происхождение настолько уникальны, что они перестали быть людьми и стали стратегическими активами. Их можно обменять, как валюту. Продать целому сектору. Или обменять на право владения шлюзом, на квоту кислорода, на место в Совете. Город держится не на меди и соли. Он держится на этих людях. Мне нужен этот список.

Мира, всё ещё отягощённая событиями ночи, смотрела на экран, пытаясь найти в его словах подвох.

– Зачем он вам? – спросила она, опустив формальности. – Чтобы шантажировать Совет? Или чтобы переманить этих «активов» на свою сторону?

На экране Каэль едва заметно покачал головой.

– Чтобы увидеть анатомию власти. Чтобы понять, кто и за какие нитки дёргает. Совет – не монолит. Это паутина взаимных обязательств, шантажа и страха. «Когорта Химера» – это карта того, как они держат город за горло. А мне, – он сделал микро-паузу, – нужно понять, где у этого горла самое слабое место. Где хрящ, который можно раздавить одним точным ударом.

Он отправил на её браслет цифровой пакет. В нём был временный пропуск в административный сектор «Дельта», действующий три часа, с привязкой к её биометрии. И схема миниатюрного передатчика-импланта – плоскую, тонкую как лезвие пластину, которую следовало спрятать под кожу у основания черепа. Он должен был в режиме реального времени передавать всё, что видит и слышит её внутреннее ухо.

– Если вас задержат, идентифицируют или нейтрализуют, – продолжил Каэль, и его взгляд на экране стал ещё более непроницаемым, – я не стану вас спасать публично. Моё вмешательство скомпрометирует операцию и меня лично. Вы будете объявлены рецидивисткой, действовавшей в одиночку. Правосудие будет быстрым.

Мира почувствовала, как в горле пересыхает, но спросила, цепляясь за призрачную возможность:

– А не публично?

На экране Каэль замер. Потом его глаза сузились на долю секунды.

– Не публично... я могу сделать многое. Извлечь. Стереть

данные. Предоставить новую личность. Или обеспечить, чтобы те, кто вас взял, очень сильно пожалели об этом. Но это – дорого. Очень дорого. И будет означать, что ваш долг мне возрастает в геометрической прогрессии. Эти слова не были ни угрозой, ни утешением. Они были констатацией условий сделки. Они звучали как прикосновение холодной, уверенной руки к шее – не с целью задушить, а чтобы продемонстрировать, где проходят артерии, и кто контролирует доступ к ним. Это было обещание не милосердия, а абсолютной, безличной власти, которую можно применить, если стоимость актива того стоит.

Мира кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Она вживила передатчик – процесс был быстрым и почти безболезненным, с помощью автодокера, присланного вместе с ним. Чувство инородного тела, постоянно жужжащего на грани слышимости, стало её новым спутником.

Она ушла в ночь Плота – искусственную, вечную ночь верхних палуб, где огромные светодиодные панели имитировали звёздное небо для тех, кто мог себе это позволить. Административный сектор «Дельта» был лабиринтом из полированного камня и молчаливого стекла. Здесь пахло дорогими чистящими составами с оттенком лимона и чем-то ещё – страхом. Но не страхом голода или насилия, а холодным, интеллигентным страхом тех, кто боится потерять не жизнь, а позицию. Страхом тех, кто считает себя выше только потому, что в их легкие поступает больше отфильтрованного,

обогащенного кислородом воздуха.

Пользуясь знанием служебных ходов и алгоритмов обхода патрулей (знанием, которое теперь принадлежало Каэлю), она достигла цели – терминала доступа к реестрам в заброшенном архиве. Её пальцы, дрогнувшие лишь раз, когда система запросила вторичное биометрическое подтверждение (она использовала «чистую» карту из того самого свёртка, что привёл её сюда изначально), затанцевали по клавиатуре. Вскрытие заняло двенадцать минут. Она скопировала файл «Когорта Химера» на микро-карту и параллельно отправила поток данных через передатчик.

Именно тогда, листая списки на экране в поисках подтверждения успеха, её взгляд упал на строку. Простую. Без пометок. Без деталей. Но от неё мир свернулся в точку ледяной боли.

ЛЕЙН, АРТУР. ИД: 4-12-БЕТА.

ОСНОВНОЙ ДОЛГ: 45 СТАНДАРТНЫХ ЦИКЛОВ.
ПРОЦЕНТЫ: 22 ЦИКЛА.

СТАТУС ДОЛГА: ЗАКРЫТ. МЕТОД ЗАКРЫТИЯ: ПОЛ-
НАЯ ЛИКВИДАЦИЯ АКТИВА.

ДАТА: [ДАТА ЕЁ СОБСТВЕННОГО АРЕСТА]

АВТОРИЗАЦИЯ ПРИВЕДЕНИЯ В ИСПОЛНЕНИЕ: ИС-
ПОЛНИТЕЛЬ КАЭЛЬ.

Её отец. Артур. Тот, чей долг она пыталась выплатить контрабандой. Тот, кто учил её движению по вентиляционным шахтам. Тот, чьё исчезновение она списывала на долговые

рудники. Его долг. Его жизнь. Её память о нём – тёплая, смутная, пахнущая машинным маслом и старой книгой. Всё это было здесь, сведено к сухой, казённой строке. И в конце – подпись палача.

«Исполнитель Каэль».

Воздух вырвался из её легких беззвучным спазмом. В ушах зазвенело. Кровь в жилах не застыла – она стала тяжёлой, как расплавленный свинец, медленно и неумолимо отравляя каждую клетку тела. Он знал. Он всегда знал. Он знал, чья она дочь. Он знал, что подписал смертный приговор её отцу. И он купил её. И говорил о «причине» и «инструментах». И она позволила ему вживить в себя его устройство.

Тишина архива оглушала. На экране терминала мерцали бездушные строки списка, этого «ключа к горлу Совета». А для неё в них теперь был только один ключ – ключ к двери, за которой скрывалась бездонная, ледяная яма предательства. И она только что добровольно шагнула в неё, ведомая рукой того, кто эту яму вырыл.

ГЛАВА 7. ИМЯ ОТЦА

Мира вернулась в его кабинет, и воздух вокруг словно загустел от её ненависти. Она несла её перед собой, как щит и как оружие, холодное и отточенное. Подошвы её ботинок глухо стучали по полированному полу, и каждый шаг отдавался в висках пульсирующей болью. В руке она сжимала маленький, холодный накопитель – крошечный артефакт, в котором теперь заключалась вся её прошлая жизнь, препарированная и разложенная по пунктам обвинения.

Каэль ждал. Он стоял у высокого окна, за которым клубился вечерний туман, поглотивший очертания спящего города. Его поза была непринуждённой, спокойной, но в этой расслабленности чувствовалась готовность. Как будто он знал не только то, что она придёт, но и то, какой она придёт – с оскаленной душой и глазами, полными ледяного огня. Он обернулся, когда она вошла, и его взгляд скользнул по её лицу, будто считывая невысказанное.

– Вот список, – выдохнула она, и слова прозвучали как скрежет металла.

Она не положила, а бросила накопитель на широкий полированный стол. Пластиковый корпус звякнул о дерево, проехался на несколько сантиметров и замер, жалкий и ничтожный в центре этой пустоты.

Каэль медленно кивнул, его взгляд лишь на миг упал на

маленький предмет, а затем снова уплыл в окно, в серую мглу.

– Хорошо.

Одно слово. Сухое, деловое, лишённое всякой интонации. Это равнодушие обожгло её сильнее, чем крик. В нём было окончательное, бесповоротное принятие их новых ролей: он – судья, она – обвинитель, приносящий доказательства собственной боли.

– Ты убил моего отца, – сказала Мира. Голос не дрогнул. Он был плоским и мёртвым, как поверхность озера перед бурей.

В кабинете воцарилась тишина. Густая, всепоглощающая. В ней слышалось лишь тиканье массивных настенных часов, отмеряющих секунды, которые отделяли её прежнюю жизнь от нынешней. Казалось, этот звук впитывает весь воздух из комнаты.

Потом Каэль, не спеша, повернулся к ней всем телом. Его движения были чёткими, лишёнными суеты. Он поднял глаза. И в этих глазах не было ни вызова, ни раскаяния. Была лишь усталая, тяжёлая ясность.

– Ваш отец был участником бунта.

– Он был механиком! – прошипела Мира, и наконец в её голос прорвалась ярость, долго сдерживаемая. Её пальцы впились в ладони, оставляя красные полумесяцы. – Он чинил шлюзы. Он поддерживал системы. Он обеспечивал жизнь, а не смерть!

– Он чинил пути бегства, – перебил её Каэль, и его голос был таким же ровным и неумолимым, как движение механизмов, которые чинил её отец. – Для тех, кого Совет потом, по его же доносу, утопил в ледяной воде за долги. Он хотел их спасти. И он их погубил. Дважды.

Слова ударили Миру, как удар под дых. Она отступила на шаг, её тело онемело. Картина мира, которую она носила в себе все эти годы – чёрно-белая, с чётким разделением на жертв и палачей, – вдруг дала трещину и начала рассыпаться. «По его же доносу». Эти слова висели в воздухе ядовитым туманом.

– Тогда почему... – её голос сорвался, стал тихим и потеряннным. – ...почему подпись? Твоя подпись?

Каэль медленно, очень медленно, отодвинулся от окна. Он сделал несколько шагов в её сторону, не нарушая дистанции, но сокращая пространство между прошлым и настоящим. Его тень легла на неё, длинная и холодная.

– Потому что Совет отдал приказ, – сказал он, делая очередной шаг. – А я был их инструментом. Острым, послушным и безликим. Как отвёртка. Как гаечный ключ. Как вы сейчас.

Он остановился в двух шагах от неё. Она чувствовала исходящий от него холод, запах стали и старой бумаги.

Мира сжала челюсти. Всё внутри неё кричало, рвалось наружу. Боль, обманутая надежда, ярость от того, что ей снова предлагают роль винтика.

– И это что, оправдание? – выкрикнула она. – Ты сейчас оправдываешься? Говоришь, что «просто выполнял приказ»? Я слышала эту мелодию! Она стара, как мир!

На губах Каэля дрогнул не то что бы усмешка, а её бледная тень, полная горечи.

– Нет, – произнёс он тихо, но так, что каждое слово прозвучало отчеканенно. – Я не оправдываюсь. Я признаю. Признаю факт. Признаю свой след на том документе. Признаю свою роль в машине. И теперь я предлагаю вам выбор, Мира.

Он выдержал паузу, давая ей впитать сказанное.

– Первый путь: уйти. Унести эту ненависть с собой, лелеять её, как единственное своё сокровище. И она сожрёт вас изнутри, и вы умрёте. Может, не сегодня, не завтра. Но умрёте для всего, что могло бы быть после. Вы станете красивым, скорбным памятником самой себе.

Он поднял руку и медленно разжал ладонь. Это был не жест мольбы, не просьба о прощении. Это был жест предложения. Ладонь была обращена вверх, сухая, с чёткими линиями, с едва заметным шрамом поперёк. На этой ладони лежала тишина, тяжёлая, как свинец.

– Второй путь: остаться. Взять эту ненависть, эту боль, этот ледяной ком в груди... и использовать. Не как яд, а как топливо. Как энергию. Как огонь в топке, который будет двигать вас вперёд, когда другие сломаются. Сделать её своим оружием, а не своими оковами.

Мира смотрела на его раскрытую ладонь. Она видела каж-

дую морщинку, каждую чёрточку. Это была ладонь убийцы её отца. Ладонь, подписавшая приговор. Ладонь, которая сейчас предлагала ей контракт. Самый страшный контракт в её жизни.

– Я не прошу любви, Мира, – голос Каэля звучал почти шёпотом, но с невероятной плотностью. – Я не прошу доверия или дружбы. Это было бы наивно и лживо. Я прошу союза. Союза двух людей, которые знают цену поступкам. Союза целесообразности. Силы против системы, частью которой мы оба были.

Она не дышала. Время остановилось. Тиканье часов растворилось в гуле крови в ушах. Перед ней лежала развилка. Одна дорога вела назад, в знакомую, разрушительную тьму обиды. Другая – вперёд, в абсолютную неизвестность, рука об руку с тем, кого она должна была ненавидеть больше всего на свете.

Если она положит свою руку в его... ничего уже нельзя будет отменить. Нельзя будет сделать вид, что ничего не было. Нельзя будет вернуть себе удобную, простую ненависть. Это будет сознательный, взрослый выбор. Выбор в пользу будущего, построенного на руинах прошлого.

Её собственная рука дрогнула. Она медленно, будто против огромного сопротивления, поднялась сбоку. Кончики её пальцев помнили тепло отцовской руки, помнили запах машинного масла и металла в его мастерской. Они помнили пустоту, которая пришла после.

Она посмотрела на ладонь Каэля. На ладонь инструмента.
На ладонь союзника.

И тишина в кабинете ждала её решения.

ГЛАВА 8. ОБУЧЕНИЕ

Процесс, который Каэль называл обучением, не имел ничего общего с тем, как учат учеников. Здесь не было объяснений, повторений и мягкого исправления ошибок. Это была прокачка, выковка, процесс создания специализированного орудия из сырого, хотя и закалённого жизнью, материала, которым была Мира. Он учил её так, как инженер настраивает точный инструмент, как оружейник собирает механизм, где каждая деталь должна работать безупречно. Основами были не знания, а принципы: точность до холодного расчёта, выдержка до полного обнуления эмоций, контроль над каждым мускулом и каждой мыслью.

Их дни протекали в строгом ритме, лишённом суеты. Каэль никогда не повышал голос. Его инструкции были краткими, как удары кинжала, и так же безвозвратно меняли её восприятие.

– Ярость – это слабость, – говорил он, наблюдая, как её пальцы непроизвольно сжимаются в кулаки при виде определённых имён в реестрах. – Она слепит и заставляет бить куда попало. Холодное равнодушие – вот что заставляет других совершать ошибки вместо тебя. Запомни: вверх не берут силой. Сила груба, очевидна и порождает прямолинейное сопротивление. Вверх берут страхом. Но голый страх – ненадёжный инструмент, он обращается в панику или в бунт.

Страх нужно упаковывать. В протокол, в параграф закона, в неоспоримую процедуру. Запакованный в закон страх становится невидимой клеткой, в которой люди запирают себя сами.

Он проводил её по лабиринтам власти, показывая не парадные залы, а служебные коридоры, черновики и архивы. Он научил её читать реестры не как списки, а как карты подводных течений, где пересечение фамилий и дат указывало на скрытые союзы или давние обиды. Он демонстрировал, как пишутся приказы: как одно изменённое прилагательное смещает акцент с «рекомендации» на «требование», как вводная фраза может предопределить вину или невиновность ещё до начала разбирательства.

– Слово – это не просто знак, – говорил он, заставляя её переписывать один и тот же документ десятки раз, пока он не начинал звучать как нерушимая истина. – Это инструмент. Им можно построить опору или выдолбить пропасть. Из трёх строчек приказа и одной подписи можно сплести прочную верёвку. Или петлю. Искусство в том, чтобы никто не увидел рук, которые её затягивают. Они должны почувствовать давление обстоятельств, логики, самого закона – но не твоей личной воли.

Мира училась с жадностью, которая пугала её саму. Её ум, отточенный годами выживания на дне системы, схватывал новые правила с пугающей скоростью. Этот мозг привык искать лазейки, слабые места, распознавать опасность по ма-

лейшим признакам. Теперь он перенастраивался. Те же самые инстинкты, что раньше искали, как спрятаться от системы, теперь учились тому, как управлять её рычагами. Выживание трансформировалось в амбицию. Осторожность – в расчётливость. Ненависть, которую Каэль велел использовать как топливо, горела ровным, жарким пламенем в топке её решимости.

Однажды, в конце особенно долгого дня, проведённого за изучением схем пересечения интересов в городском Совете, Каэль не дал ей нового документа. Вместо этого он открыл ящик своего стола и извлёк предмет, тускло блеснувший в свете лампы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.